

«БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

СТЕПИЧЕВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: st_ola@mail.ru

КУЛИК ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: econom_404@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы обеспечения экономической безопасности национальных социально-экономических систем в условиях развертывания внешних угроз безопасности России, которые являются объективным условием, стимулирующим системные трансформации, нацеленные на повышение уровня экономической безопасности государства. Авторы аргументируют гипотезу, согласно которой экономическая безопасность государства связана с выбором такой модели социально-экономических отношений, в рамках которой обеспечивается решение проблемы устойчивого, целостного и поступательного развития России. Методологической основой построения такой социально-экономической модели выступает концепция безопасности как интегрированной общественной потребности, связывающей воедино безопасность государства, корпорации и личности. В статье сформулированы исходные методологические принципы обеспечения устойчивого, целостного, поступательного и, следовательно, безопасного, развития России: принцип системности (идеологические, экономические и политические институты взаимообусловлены, и идеология влияет на принятие экономических и политических решений); принцип безопасности как доминирующей потребности (примат устойчивости социально-экономических систем формирует идеологию новой, негедонической нормальности, в которой финансы не играют определяющей роли в развитии систем); принцип соборности (экономическая безопасность выступает интегрированной общественной потребностью, связывающей воедино безопасность государства, корпорации и личности). В тоже время авторы отмечают «болевы точки» реализации парадигмы безопасности как интегрированной общественной потребности, особо выделяя резкий рост в российском обществе «вынужденной бедности» как один из определяющих факторов внутривнутриполитической нестабильности и социальной энтропии. Авторы выделяют контуры государственного трансформационного вектора, направленного на изменение мотивационной структуры, экономической конституции и хозяйственной культуры российского общества в соответствии с парадигмой безопасности как интегральной общественной потребности, и выделяют комплекс структурно-организационных, институциональных и административных мер по его реализации.

Ключевые слова: безопасность как интегрированная общественная потребность, социальный контракт, вынужденная бедность, социальная энтропия

В ряде последних работ, посвященных современным проблемам устойчивости и безопасности сложноорганизованных социально-экономических систем (СЭС), обосновывается системный характер мирового экономического кризиса, в результате которого формируется новая «нормальность» [1; 2]. Тем не менее, как сама новая «нормальность», так и ее аспекты, связанные с безопасностью общественных систем, еще не имеют ни четких парадигмальных контуров, ни реального социально-экономического содержания. Это обусловлено тем, что современные социально-экономические системы переживают качественные перестройки, от которых зависят дальнейшие траектории развития

систем, то есть находятся в состоянии бифуркации. Учитывая этот факт, новая «нормальность» инвариантна, ее содержание не определено.

Согласно одному из вероятных вариантов трансформации СЭС, «новая нормальность» может означать «необходимость перехода к такому типу экономического поведения, при котором обеспечивается гомеостазис национальной экономики, то есть ее относительно устойчивое, динамичное развитие и способность сохранять свою структурно-функциональную целостность посредством нивелирования внутренних и внешних угроз...» [3]. Отсюда новая парадигма устойчивости СЭС диктует следующие методологические принципы:

принцип системности (идеологические, экономические и политические институты взаимообусловлены, и идеология влияет на принятие экономических и политических решений); *принцип безопасности* как доминирующей потребности (примат устойчивости СЭС формирует идеологию новой, негедонической нормальности, в которой финансы не играют определяющей роли в развитии систем); *принцип соборности* (экономическая безопасность выступает интегрированной общественной потребностью, связывающей воедино безопасность государства, корпорации и личности).

Очевидно, что реализация данных принципов в практике управления СЭС предполагает, во-первых, наличие объективных условий (внешних факторов как угроз национальной безопасности), стимулирующих трансформацию СЭС. Однако, действующие сегодня в мире внешние по отношению к национальным СЭС факторы стимулируют построение новой архитектуры управления СЭС, но не обуславливают варианты трансформации общественной системы. Выбор обусловлен преимущественно внутренними институциональными факторами. Это выбор модели дальнейших социально-экономических отношений, которая будет следствием либо эволюции, либо инволюции СЭС.

Парадигма безопасности как интегрированной общественной потребности обращена к архетипичным ценностным установкам индивидуального и массового сознания российского общества. Однако, при наличии в российском государстве и обществе ряда «болевых точек» простой апелляции к державным ценностям, как способа подъема национального самосознания, явно не достаточно для сохранения социального контракта образца 2014 г., который, достаточно точно можно обозначить как «самоограничение в обмен на принадлежность к великой державе» [4].

Наиболее критической для устойчивости национальной СЭС «болевым точкой» является бедность. В 2015 г. бедность в России выросла с 19,8 до 22,9 млн (16 %) и продолжила свой рост в 2016 г. Многие российские эксперты отмечают тот факт, что показатель абсолютной бедности не отражает экономическую действительность страны, потому что находится в определенной зависимости от прожиточного минимума. На начало 2016 г. прожиточный минимум составил 9452 руб. в месяц. Но его величины недостаточно для того, чтобы поддерживать на достаточно высоком уровне потребительский спрос. Благодаря занижению минимальных стандартов потребления, динамика сокращения абсолютной бедности положительна.

В случае повышения минимальных стандартов будет увеличиваться и абсолютная бедность [5].

Более адекватным является показатель относительной бедности, который определяет положение семьи или человека в сравнении со средним доходом по стране. Согласно этому показателю, бедность в России имеет тенденции к увеличению даже в период экономического роста. Так, к началу 2000 г. она была равна порядка 18 %, а уже к началу 2010 г. – 31 % и продолжает увеличиваться сейчас. При этом российская бедность обладает специфической для развивающихся стран чертой, отличающей ее от бедности в развитых странах. Бедность в России не обязательно связана с безработицей, то есть существует феномен работающих бедных.

Однако, в отличие от развивающихся стран, бедность в России – явление, связанное преимущественно с распределительными отношениями. По данным международной аналитической компании Boston Consulting Group, в 2014 г. 216 300 чел. являлись долларовыми миллионерами (0,4 % от всех домохозяйств в России), что ставит Россию на 13-е место в мире.

При этом по степени концентрации капитала (количество сверхбогатых домохозяйств, доход которых превышает 100 млн долл.) Россия уже на пятом месте. (до 536 семей). Больше только в Германии (881), Китае (983), Великобритании (1044), США (4754) [6]. И хотя богатство, как и бедность не порок, рост сверхобеспеченных домохозяйств в России сопровождается ростом социального неравенства (рис. 1). Стоит также учесть голос критиков методики оценки неравенства доходов российского населения, применяемой Росстатом на основе Обследования бюджетов домохозяйств (ОБДХ). Альтернативные оценки децильного коэффициента в 1997-2000 гг. дали результаты, более чем в три раза превышающие официальные оценки (в 1997 г. – 38,3 раза, в 1998 г. – 38,7 раза, в 1999 г. – 38,8 раза, в 2000 г. – 41,2 раза) [7].

Сегодня неприятие существующей модели социальных отношений в России вызывает в российском обществе социальную апатию, а завтра?

Резкий рост в российском обществе «вынужденной бедности» является одним из решающих факторов внутривнутриполитической нестабильности и социальной энтропии, особенно ярко проявившем себя на фоне обострения внешнеполитической ситуации после Майдана. При этом растущая социальная энтропия выступает не просто формой дестабилизации социально-экономической системы, а является явным признаком несоответствия принятых целевых установок управления СЭС условиям обеспечения ее устойчивости.

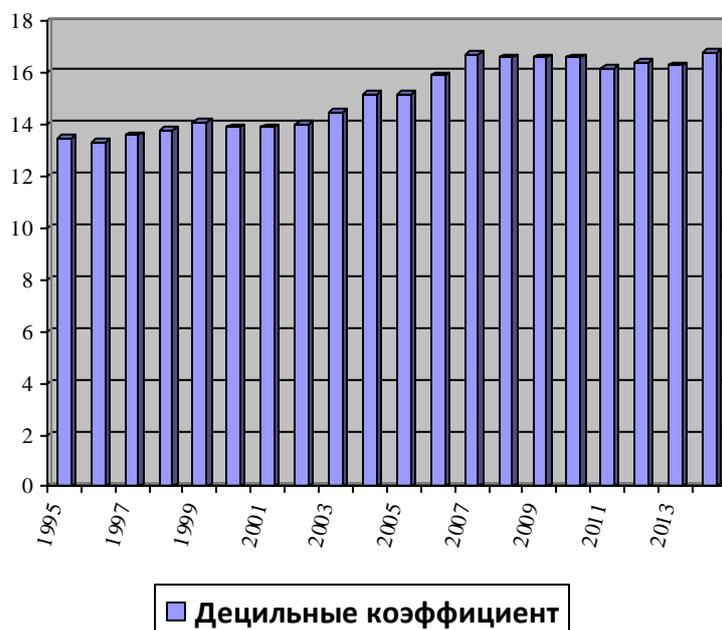

Рис. 1. Динамика децильного коэффициента в России

Говоря о социально справедливом обществе как идеологеме, исключительно близкой нашему национальному самосознанию, следует отойти, наконец, от традиционного видения справедливости в равенстве и переделе и наполнить ее содержанием, отвечающим общественной потребности в безопасности. От государства потребуются реализация нового структурно-институционального вектора, направленного на изменение мотивационной структуры, экономической конституции и хозяйственной культуры в соответствии с требованиями новой «нормальности». На практике данный вектор связан с реализацией комплекса структурно-организационных, институциональных и административных мер.

К мерам структурной политики следует отнести, прежде всего, развитие таких ключевых, на наш взгляд, систем обеспечения экономической безопасности государства и общества, как национальное планирование и банкинг. Роль неэффективного планирования в России в процессах социальной энтропии рассмотрена во многих публикациях. Так, В. М. Полтерович отмечает, что «в условиях слабо развитой институциональной среды рынок сам по себе не справляется с задачей генерации крупных эффективных проектов. Связано это, прежде всего, с высокой неопределенностью, порождаемой как сильной вариативностью рыночной обстановки – колебаниями цен и валютных курсов, условий кредитования, нестабильностью

спроса, – так и с непредсказуемостью поведения государства и партнеров. Недоверие сочетается с низким уровнем договороспособности, коренящимся не только в указанных объективных обстоятельствах, но и в несовершенстве деловой культуры» [8].

Банкинг, исключая финансовые спекуляции и ростовщичество, не является иллюзорной формой, и широко практикуется в мусульманских странах. Исламский банкинг базируется на аутентичных религиозных ценностях, определяющих основные стандарты: спекуляция и ссудный процент находятся под строгим вето. Как собственно и использование проблем или чьих-то затруднений в своих финансовых интересах [9].

Институциональная основа реализации парадигмы связана с формированием идеологии социально ответственного предпринимательства, разработкой социального кодекса; развитием институтов общественного и государственного контроля качества; нормативным закреплением социальной ответственности бизнеса; содействием развитию экологического менеджмента, пропагандой культуры рационального потребления. Административные меры (снижение административных барьеров ведения бизнеса; ужесточение санкций антимонопольного и экологического законодательства; ужесточение наказаний за экономические преступления и др.) [10] также должны быть направлены на формирование новых «правил игры», подводя-

щих поведение российской элиты под задачи обеспечения устойчивости СЭС на основе формирования интегрированной общественной потребности в безопасности.

Литература

1. Юрьев В. М., Бабаян В. Г. Россия 2016: стратегия в условиях новой «нормальности» // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2016. Т. 11. № 1.

2. Юрьев В. М., Бабаян В. Г. Дискретность и «антихаос» в теории управления социально-экономических систем // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2016. Т. 11. № 5.

3. Степичева О. А. Безопасность как интегральная общественная потребность: контуры новой парадигмы устойчивости экономических систем // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2016. Т. 11. № 3.

4. Аузан А. А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 244.

5. Кирьянова В. С. Проблема бедности в России и пути ее преодоления // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23422>

6. Кечинов М. Россия: бедность, богатство и социальное неравенство. URL: <http://comstol.info/2015/01/ekonomika/10512>

7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 г. М.: ИнтерДиалект, 2003.

8. Полтерович В. М. О формировании системы национального планирования в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 237.

9. Зеленская Т. Исламский банкинг в России. Исламский банк в Москве. URL: <http://fb.ru/article/179126/islamskiy-banking-v-rossii-islamskiy-bank-v-moskve>

10. Симонов Р. Д., Юрьев В. М. Реализация модернизационного потенциала державных компонентов экономической культуры // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2015. № 6. Т. 11. С. 78.

References

1. Yur'yev V. M., Babayan V. G. Rossiya 2016: strategiya v usloviyakh novoj «normal'nosti» [Russia 2016:

strategy in the conditions of new «normality»] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Tambov, 2016. T. 11. № 1.

2. Yur'yev V. M., Babayan V. G. Diskretnost' i «anti-khaos» v teorii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Discretization and «anti-chaos» in the theory of management of social and economic systems] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Tambov, 2016. T. 11. № 5.

3. Stepicheva O. A. Bezopasnost' kak integral'naya obshchestvennaya potrebnost': kontury novoj paradigmy ustojchivosti ekonomicheskikh sistem [Safety as integrated public requirement: contours of a new paradigm of stability of economic systems] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Tambov, 2016. T. 11. № 3.

4. Auzan A. A. O vozmozhnosti perekhoda k ekonomicheskoy strategii, osnovannoj na spetsifike chelovecheskogo kapitala v Rossii [About a possibility of transition to the economic strategy based on specifics of the human capital in Russia] // Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii. 2015. № 2. S. 244.

5. Kir'yanova V. S. Problema bednosti v Rossii i puti yeyo preodoleniya [Poverty problem in Russia and a way of its overcoming] // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2013. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23422>

6. Kechinov M. Rossiya: bednost', bogatstvo i sotsial'noye neravenstvo [Russia: poverty, wealth and social inequality]. URL: <http://comstol.info/2015/01/ekonomika/10512>

7. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federatsii za 2002 g. [The report on human development in the Russian Federation for 2002] M.: Inter-Dialekt, 2003.

8. Polterovich V. M. O formirovanii sistemy natsional'nogo planirovaniya v Rossii [About formation of system of national planning in Russia] // Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii. 2015. № 2. С. 237.

9. Zelenskaya T. Islamskiy banking v Rossii. Islamskiy bank v Moskve [Islamic banking in Russia. Islamic bank in Moscow]. URL: <http://fb.ru/article/179126/islamskiy-banking-v-rossii-islamskiy-bank-v-moskve>

10. Simonov R. D., Yur'yev V. M. Realizatsiya modernizatsionnogo potentsiala derzhavnykh komponentov ekonomicheskoy kul'tury [Realization of modernization potential of sovereign components of an economic culture] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Tambov, 2015. № 6. Т. 11. S. 78.

* * *

**«PAINFUL POINTS» OF SAFETY OF SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEM OF RUSSIA**

STEPICHEVA OLGA ALEKSANDROVNA
Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: st_ola@mail.ru

KULIK YURY PAVLOVICH
Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: econom_404@mail.ru

In article authors considered prospects of providing economic security of national social and economic systems in the conditions of expansion of external threats to security of Russia which are the objective condition stimulating the system transformations aimed at increase of level of economic security of the state. Authors reason a hypothesis according to which economic security of the state connects with the choice of such model of the social and economic relations, within which there is the solution of the problem of sustainable, complete and forward development of Russia. The methodological basis of creation of such social and economic model is the concept of safety as the integrated public requirement connecting together safety of the state, corporation and personality. In article authors formulated the initial methodological principles of providing steady, complete, forward and, therefore, safe, developments of Russia: the systemacity principle (ideological, economic and political institutes are interdependent, and the ideology influences adoption of economic and political decisions); the safety principle as the dominating requirement (the primacy of stability of social and economic systems forms an ideology of a new, non-hedonic normality in which finance does not play the defining role in development of systems); the conciliarity principle (economic security acts as the integrated public requirement connecting together safety of the state, corporation and personality). At the same time authors note «painful points» of realization of a paradigm of safety as the integrated public requirement, especially allocating sharp growth in the Russian society of «the compelled poverty» as one of the defining factors of internal political instability and social entropy. Authors allocate contours of the state transformational vector directed to change of motivational structure, the economic constitution and an economic culture of the Russian society according to a safety paradigm as an integrated public requirement and allocate a complex of structural and organizational, institutional and administrative measures for its realization.

Key words: safety as the integrated public requirement, social contract, compelled poverty, social entropy